

УДК 94(5)
ББК 63.3(0)61

МАНЬЧЖУРСКИЙ ИНЦИДЕНТ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ (1931–1932 гг.) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Филинов Андрей Владимирович

Сотискатель кафедры отечественной истории XX–XXI вв.
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
fiann@inbox.ru
просп. Ломоносовский, 27, корп. 4, 119192 г. Москва,
Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе архивных источников, отечественной и зарубежной историографии рассматривается достаточно широко известный термин «маньчжурский инцидент» – подрыв железной дороги около Мукдена (Шэньяня) и последовавшее за этим наступление японской Квантунской армии на китайские позиции, что стало началом захвата Маньчжурии и предвестием Второй мировой войны на Дальнем Востоке. Маньчжурский инцидент явился прологом к Маньчжурскому кризису, который выразился в захвате северо-восточной части Китая, создании марионеточного государства Маньчжоу-го и обострении противоречий в Дальневосточном регионе в целом. Таким образом, актуальность работы объясняется несомненной значимостью изучения маньчжурского инцидента для понимания особенностей международного положения первой половины 1930-х годов.

Ключевые слова: маньчжурский инцидент, 1930-е, Япония, Китай, Квантунская армия, Лига Наций.

В ночь с 18 на 19 сентября 1931 г. (около 22:00 по местному времени) недалеко от местечка Лютяогоу (Луцзяокоу), к северу от Мукдена, произошел взрыв на железнодорожном полотне контролируемый Японией Южно-Маньчжурской железной дороги. Поезд-экспресс, который по утверждению японцев в момент

подрыва (согласно их версии, это произошло в 22:30) проходил по поврежденному участку, в то же самое время, судя по всему, целый и невредимый мирно стоял на станции Мукден [15, р. 68]. Как полагал Бен Дорфман, один из членов комиссии Литтона, в 1932 г. участвовавший в расследовании инцидента, а в 1934 г. написавший об этом статью, железнодорожный состав не смог бы пройти по рельсам с повреждением в 31 дюйм ($\approx 78,74$ см) и не попасть в аварию [15, р. 68].

В диверсии, совершенной, как стало ясно уже гораздо позже, японской агентурой, были обвинены по версиям разных авторов китайские солдаты, некая «китайская военная охрана», а также солдаты Чжан Сюэляна и неустановленные вооруженные китайские «бандиты» [3, с. 209; 4, с. 24; 15, pp. 66-67]. Так или иначе, под предлогом обеспечения безопасности движения поездов в зону ЮМЖД были введены две роты японских солдат, которые были встречены выстрелами китайской дорожной (видимо, железнодорожной — А.Ф.) охраны [4, с. 24–25]. Скорее всего уже после первого столкновения полковник Итагаки отдал приказ 29-му пехотному полку атаковать находившиеся в Мукдене казармы китайской полиции и регулярных войск [5, с. 209].

Часом позже подполковник Исивара доложил о «диверсии» командующему Квантунской армией генералу Хондзе, не имевшему, как полагает Р. Феррелл, ни малейшего представления о том, что творят его подчиненные [15, р. 72].

К этому времени захваченные практически врасплох китайские солдаты обратились в беспорядочное бегство, и к вечеру 19 сентября японские подразделения заняли Мукден и Чаньчунь, установили контроль над важнейшими стратегическими железнодорожными узлами [3, с. 209; 4, с. 25]. Путь в направлении южной Маньчжурии был свободен.

В Токио об оккупации Маньчжурии узнали из газет и сообщений телеграфных агентств — и в военном министерстве, и в министерстве иностранных дел, и при дворе. Правда, некоторые дипломаты предупреждали, что военные затевают «нечто», но к ним не прислушались [13, с. 10]. Слова «некоторые дипломаты» и «не прислушались» звучат достаточно странно, если принять во

вниманию высказанные в статье Р. Феррелла и в монографии В.П. Сафронова вполне доказательные суждения о том, что в начале сентября 1931 г. министру иностранных дел Сидэхаре впервые стало известно о подготовке офицерами Квантунской армии на середину месяца заговора, имевшего целью нанесение удара по китайским войскам, что встревожило его до такой степени, что он немедленно поручил генконсулу Японии в Мукдене Хааси «контролировать этих авантюристов» [12, с. 35].

Однако, по мнению В.Э. Молодякова, в понимании необходимости взять под контроль богатую жизненно важными для Японии ресурсами, но находящуюся в хаосе Маньчжурию, достигали согласия и «правые», и «левые», кроме немногочисленных коммунистов. Так что не армия, и тем более не правительство и не МИД навязывали общественному мнению мысль о необходимости прибрать к рукам Маньчжурию [13, с. 10–11].

Это мнение современного историка можно подкрепить свидетельством очевидца тех событий — начальника департамента информации Министерства иностранных дел Японии Сиратори, который изложил свое видение происходившего в сентябре 1931 г. таким образом: «<...> Общая атмосфера изменилась буквально за одно мгновение. Поскольку пресса и общественное мнение выступали за сильную политику, министру иностранных дел и его подчиненным стало трудно действовать в соответствии с традициями ведомства» [13, с. 106].

Таким образом, само общественное мнение на протяжении ряда лет требовало вторжения — иногда открыто, а когда и в завуалированной форме — и полностью поддержало самочинные, но такие «патриотические» действия Квантунской армии [13, с. 10–11], хотя с последним тезисом отнюдь не согласен, например, Г. Бикс, полагающий, что в политическом смысле военные на тот момент были еще слишком слабы, к тому же мнение общества по вопросу об оккупации раскололось и лишь через две недели после начала вторжения, примерно к 1 октября 1931 г., армия ощутила первые признаки сплоченной поддержки общества [3, с. 211].

Что же до «самочинности действий», то здесь следует сказать пару слов и о точке зрения императора Хирохито на происхо-

дившие события, прекрасно отдававшего себе отчет в том, что группа высших военных чинов грубо нарушила армейский закон от 1908 г., запрещающий командирам направлять войска на территории вне пределов их юрисдикции [3, с. 212]. По сути, император воспринял положение в Маньчжурии как свершившийся факт и не возражал против расширения пределов империи.

Большое влияние на формирование позиции монарха оказало мнение членов влиятельной придворной группировки из числа приближенных, большинство которых, за исключением гэнро князя Сайондзи, пришли к общему мнению о том, что высшие сановники двора должны хранить молчание относительно фактической узурпации генералами власти императора как верховного главнокомандующего. Выработав эту единую линию поведения, придворная группировка ни разу на протяжении всего хода боевых действий в Маньчжурии не выступила в противовес воле армии [3, с. 211].

Эти боевые действия получили свое официальное название – маньчжурский инцидент, поскольку войну никто никому не объявлял и не разрывал дипломатических отношений, и произошел подобный смысловой казус по вполне определенным причинам. Для Японии – поскольку 19 сентября правительство просто-напросто еще не имело точной информации о происходившем в Китае [3, с. 210]. Лишь на состоявшемся 21 сентября шестичасовом заседании кабинета министров под председательством премьера Вакацуки было решено не направлять в Маньчжурию никаких новых подкреплений, которых уже в течение трех дней подряд настойчиво добивалось командование Квантунской армии, а стычки между китайскими и японскими войсками рассматривать в качестве «инцидента» и ни в коем случае не объявлять о состоянии войны [3, с. 211].

В общем, здесь можно было бы принять точку зрения уже цитировавшегося выше Сиратори о том, что «маньчжурский инцидент 18.09.1931 г. был громом среди ясного неба для чиновников МИД, начиная с министра Сидэхара, который под воздействием внезапного потрясения поначалу не знал, что делать. Как обычно в таких случаях, правительство приняло курс на локализацию

конфликта и скорейшее урегулирование на местах и заявил об этом» [13, с. 106].

Сидэхара, как уже упоминалось ранее, имел определенное представление о том, что замыслили военные. Другое дело — министр мог быть действительно потрясен тем, что конфликт, несмотря на предпринятые усилия, так и не удалось предотвратить, и он разразился столь ошеломляюще быстро. Итог изложения представим подвести непосредственному участнику событий. «Ситуация осложнилась тем, что “маньчжурский инцидент” вскоре перестал быть исключительно вопросом дипломатии, превратившись в важную внутривластную проблему для самой Японии» [13, с. 106].

Что касается руководства Китая, то оно промолчало в отношении необъявления официально войны Японии по той же причине, по которой ранее сам Чан Кайши приказал мукденскому гарнизону сложить оружие, — он не желал расширения конфликта на страну Восходящего Солнца, а Чжан Сюэлян, в свою очередь, не хотел подставлять под удар свои главные силы, стоявшие в Северный Китай (Бэйпин-Тяньцзин), ожидая помощи от самого Чан Кайши. Тем временем население Маньчжурии читало в листовках, сброшенных с аэропланов, разъяснения японского командования по поводу «временного» занятия китайской территории «из соображений, вызванных стратегической обстановкой, а не целях оккупации» [2, с. 40–41].

Национальное правительство обратилось к нации с призывом объединиться против агрессора, но с военной помощью Чан Сюэляну не особенно торопилось, поскольку, по мнению Е.Е. Аурелене, гораздо большее значение Нанкин придавал борьбе с «красными бандитами», которые угрожали существованию самой власти [2, с. 40–41]. А.Д. Богатуров, напротив, полагает, что стремление лидера Гоминьдана уклониться от непосредственных переговоров с японцами было связано с расчетом на эффективность политики затягивания времени для укрепления обороноспособности Китая [4, с. 25–26]. Помимо всего прочего, китайские руководители в немалой степени рассчитывали и на посредничество Лиги Наций, и/или США [4, с. 25–26], о чем было заявлено самим Чан

Чан Кайши на митинге в Нанкине 23 сентября, одновременно с призывом к стране сохранять спокойствие [2, с. 41].

Лишь 21 сентября 1931 г. Китай обратился в Лигу Наций с официальной нотой протеста против японского вторжения и с просьбой принять все меры для сохранения мира в Маньчжурии [2, с. 243], вплоть до применения статьи 11 Устава [15, с. 416].

Вопреки ожиданиям, Лига Наций отреагировала на события в Маньчжурии весьма сдержанно, несмотря на то, что Япония грубо нарушила Вашингтонский договор девяти держав 1922 г., пакт Бриана-Келлога и Устав Лиги Наций [2, с. 41]. Совет Лиги Наций, собравшийся для обсуждения ноты китайского правительства, заслушал японского представителя, который, представив события как «местный инцидент», заявил, что конфликт может быть решен путем переговоров [14, с. 416]. В итоге Совет ограничился призывом к Японии и Китаю прекратить военные действия и вывести свои войска из Маньчжурии до 16 ноября 1931 г., но Токио проигнорировал это обращение [2, с. 41].

16 ноября 1931 г. Совет Лиги в третий раз обсуждал маньчжурский вопрос, Чан Кайши потребовал применить к Японии статью 16 Устава, но его не поддержали. Всего же по просьбе Китая маньчжурская проблема рассматривалась три раза в течение периода с сентября по декабрь 1931 г., но применение санкций зависело от поведения основных держав, и в связи с этим обстоятельством И.А. Хормач придерживается мнения о том, что Великобритания и США, надеясь, что японская агрессия повернет в сторону МНР и СССР, стремились смягчить реакцию Лиги [14, с. 416]. В связи с этим необходимо заметить, что Соединенные Штаты, в частности, не могли быть и не были заинтересованы во вторжении Японии в Маньчжурию, поскольку опасались нарушения баланса сил в дальневосточном регионе в пользу Токио, а может быть и Москвы, причем в ущерб самим США и режиму Чан Кайши [12, с. 74-75].

Советский Союз, в свою очередь, занял в отношении дальневосточной проблемы достаточно принципиальную позицию, поскольку продвижение японских войск создавало угрозу безопасности СССР, однако его возможности были весьма скромными, учитывая неурегулированные отношения с нанкинским правительством и

Лигой [14, с. 417]. В связи со всем этим интересно предположение высказываемое Г. Биксом о том, что «токийские генштабисты пытались всеми силами удержать командование Квантунской армии от соблазна проникнуть в северные районы Маньчжурии, что грозило столкновением с частями Красной армии» [3, с. 214].

Маньчжурский кризис ослабил положение кабинета Минсэйто, поскольку он предоставил возможность партии Сэйюкай выпустить с нападка на внешнюю политику Минсэйто, которая выглядела «слабой, компрометирующей престиж Японии и представлявшей неизбежную прелюдию к необходимым военным действиям» [6, с. 223]. Было известно, что кабинет не является единым в этом вопросе и что некоторые члены стремятся вести дела методами дипломатии и примирения; другие стремились к «последовательной» политике, для того чтобы «расчистить поле» в маньчжурском вопросе [6, с. 223].

По мнению Г. Квигли, честолюбие Адати — министра внутренних дел и руководителя партийного аппарата, а в прошлом к тому же соперника Вакацуки на выборах премьер-министра, заставило его подать в отставку 11 декабря 1931 года [6, с. 224]. На смену ему пришло правительство под руководством лидера партии Сэйюкай Инукаи, и уже в следующем году за вторжением Японии в Китай японский бюджет сделал скачок на 32 %, хотя военные ассигнования за тот же год выросли на 51 % [5, с. 207]. Военные, как это должны были быть довольны. Военный бюджет 1932/33 г. при общих расходах в 1,950,1 млн иен представлял собой цифру в 686,3 (686,3 с. 46)) млн иен, и составлял 35,2 % от всех ассигнований [5, с. 207].

Однако самостоятельно проведенные расчеты показывают, что архивные данные позволяют говорить о сумме расходов, составлявшей лишь 659,1 млн иен (33,9 % от бюджета страны) [л. 5], равно как и почти совпадающая с ней и указываемая П. Велловым, в частности, сумма военных расходов в 659 млн иен (также 33,9 %) [8, с. 181].

Так или иначе, как показывает история, долговременных японские кабинеты бывали крайне редко. Уже в начале мая 1932 Национальная федерация молодых офицеров, готовя переворот, распространила листовки с демагогическими утверждениями о

«молодые офицеры» придут «на помощь народу в борьбе против коммерческих спекулятивных кругов» [11, с. 27]. 15 мая 1932 г. заговорщики ворвались в резиденцию правительства, убили премьер-министра Инукаи, бросили бомбы в здания штаб-квартир партии Сэйюкай и концерна Мицубиси.

Почему именно Мицубиси? Существовали определенные расхождения между «старыми», основными концернами (или так называемыми дзайбацу) и так называемыми «новыми» в определении дальнейшей политики государства. Основные концерны (Мицубиси, Мицубиси, Сумитомо и Ясуда) были недовольны антимонополистической демагогией «этих молодых ослов в военной форме, которые рассчитывали уничтожить финансовые клики» [9, л. 72] и, тем более, террористическими актами против своих представителей, например, убийством в феврале 1932 г. председателя совета директоров концерна Мицубиси барона Дана.

В противовес «новым» концернам, направлявшим деятельность группы (фракции) «Императорского пути» («Кодо-ха»), руководимой генералами Араки и Мадзаки, ставившей своей целью установление путем переворота «государственного социализма с императором в центре», завоевание соседних стран Азии и строившей стратегическую доктрину на том, что главным врагом Японии является СССР [3, с. 216], основные монополии стали поддерживать «Группу (фракцию) контроля» («Тосэй-ха») во главе с генералами Нагата, Тодзио и Муро, которая планировала «решительное проведение реформ под контролем штабных офицеров центральных управлений армии» [11, с. 28].

Так или иначе, путч 15 мая не удался и все заговорщики были арестованы военной жандармерией и полицией. Новое правительство было сформировано отставным адмиралом Сайто, который стал проводить компромиссный политический курс, представлявший среднюю линию между требованиями экстремистских кругов, объединявшихся вокруг «наглых, сверкающих гадюками милитаристов вроде генерала Араки и адмирала Осуми» [9, л. 78], и прежней политикой парламентского кабинета Инукаи [11, с. 27].

Оккупация Маньчжурии положила начало реализации японской геополитики, в основу которой была положена теория Ван-

Дао («Императорский путь»), согласно которой Япония провозглашалась «первым государством на Земле», японцы – «единственной божественной нацией», которой «предопределено» господствовать над другими народами. Таким образом, внешнеполитический принцип Ван-Дао – «Весь мир под одной крышей» – означал в свою очередь не что иное, как превращение Японии в мировую империю, а пестрая в этническом отношении Маньчжурия оказывалась своеобразной попыткой создания «общего дома» для всех ее национальностей под эгидой Японии [2, с. 42].

Список литературы

1. Аблова, Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.) / Н. Е. Аблова. – М. : Рус. Панорама, 2005. – 432 с.
2. Аурилене, Е. Е. Российская диаспора в Китае: Маньчжурия, Северный Китай. Шанхай (1920–1950-е гг.) / Е. Е. Аурилене. – Хабаровск: Изд-во Хабар. погранич. ин-та ФСБ РФ, 2003. – 214 с.
3. Бикс, Г. Хирохито и создание современной Японии / пер. с англ. Ю. Г. Кирьяка / Г. Бикс. – М. : АСТ, 2002. – 576 с.
4. Богатуров, А. Д. Кризис и война. Международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 1930–1940-х гг. / А. Д. Богатуров. – М. : Изд-во Моск. общ. научн. фонда, 1998. – 352 с.
5. Болдырев, Г. И. Финансы Японии / Г. И. Болдырев. – М. : Госфиниздат, 1946. – 289 с.
6. Квигли, Г. Правительство и политическая жизнь Японии / пер. И. Звавича; предисл. Л. А. Зархин / Г. Квигли. – М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. – 318 с.
7. Любимов, Н. Н. Финансы фашистских государств / Н. Н. Любимов. – М. : Госфиниздат, 1939. – 59 с.
8. Павлов, П. Вооруженные силы Японии / П. Павлов // Япония: сб. ст. / под ред. А. А. Белкина. – М. : Соцэкгиз, 1934. – 416 с.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 495. – Оп. 127. – Д. 359.
10. РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 127. – Д. 369.
11. Савин, А. С. Японский милитаризм в период второй мировой войны / А. С. Савин. – М. : Наука, 1979. – 240 с.

12. Сафронов, В. П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане: 1931–1945 гг. / В. П. Сафронов. – М. : Изд-во Ин-та Рос. истории РАН, 2001. – 452 с.
13. Сиратори, Т. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии. 1933–1945 гг. / сост., пер., вступ. ст. и коммент. д-ра полит. наук В. Э. Молодякова. – М. : АИРО-XXI, 2008. – 160 с.
14. Хормач, И. А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919–1934 гг. / И. А. Хормач. – М. : Кучково поле, 2011. – 608 с.
15. Ferrell, R.H. The Mukden Incident: September 18-19, 1931 / R. H. Ferrell // The Journal of Modern History. – Vol. 27, № 1 (Mar. 1955). – P. 66-72.

THE MANCHURIAN INCIDENT AND ITS CONSEQUENCES (1931-1932) IN DOMESTIC AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY

Fillinov Andrey Vladimirovich

Applicant for a Science Degree in History.
Department of History of Russia XX-XXI centuries,
Moscow State University
fiann@inbox.ru
Prosp. Lomonosov, 27, 4, 119192 Moscow, Russian Federation

Abstract. In the article, on the basis of archival sources, domestic and foreign historiography, the widely known term «Manchurian incident» is undermined – the undermining of the railway near Mukden (Shenyang) and the subsequent offensive of the Japanese Kwantung Army to Chinese positions, which was the beginning of the capture of Manchuria and the foreknowledge of the Second World War in the Far East. The Manchurian incident was a prologue to the Manchurian crisis, which manifested itself in the seizure of the north-eastern part of China, the creation of the puppet state of Manchukuo and the aggravation of the contradictions in the Far Eastern region as a whole. Thus, the relevance of the work is due to the undoubted significance of studying the Manchurian incident to understand the peculiarities of the international situation in the first half of the 1930s.

Key words: Manchurian incident, 1930s, Japan, China, Kwantung Army, League of nations.